

Традиционные ценности против идеологии

или почему стоит решительно прекратить бесконечный поиск “национальных идей”

Введение. Конец эпохи модерна

Эпоха модерна подходит к своему завершению. Мы живём на излёте последней «гражданской религии» Нового времени: либерализма. Почти три столетия мировая история была ареной борьбы трёх великих идеологических проектов — либерализма, социализма и национализма. У всех троих — несмотря на их колossalные различия — общий источник: гуманизм эпохи Возрождения и Просвещения. Каждый из этих проектов пытался ответить на один и тот же фундаментальный вопрос: как создать нового человека и устроить справедливое общество?

Вопрос вокруг создания «нового человека» стал ключевым на пути преображения общественного устройства. Человек должен был стать свободным от традиции, от церкви, от иерархии, от «предрассудков» прошлого. Либерализм мечтал о рациональном индивиде — автономном, правоспособном, властелине своей судьбы. Социализм взывал к коллективному субъекту, освобождённому от частной собственности и эксплуатации. Национализм, в свою очередь, видел в народе — как органическом теле — носителя новой духовности, достоинства и исторической миссии. Все трое — в погоне за утопиями — занялись инженерным проектированием человеческой природы и, как следствие, общества. В горниле войн, революций и тотальных экспериментов, стремясь освободить человека, в итоге освободили его... от самого себя.

XX век стал кульминацией борьбы идей — временем грандиозного исторического эксперимента. Три колосса сошлись в смертельной, непримиримой схватке, разыграв своё противостояние на полях двух мировых войн и полувековой Холодной войны. **Победил либеральный проект.** Остальные были либо разгромлены, либо оттеснены на обочину истории.

С конца 1980-х мир жил в условиях идеологической монополии победителя. «Пророки» эпохи — политологи, экономисты, публицисты — восторженно провозгласили «конец истории»: либеральная демократия и рыночная экономика представлялись окончательной, неулучшаемой формой общественного устройства. Победитель начал навязывать остальному миру свой порядок — под видом «универсальных ценностей», на деле работавших как жёсткий идеологический сюртук «цивилизованных» стран, с завидным упорством натягиваемый на «непрезентабельную» периферию.

Но монополия начала трещать по швам. На месте разлома, как чудовище из бездны, выполз постмодерн, вместо триумфа победителя став закономерным финалом модернистской трагедии. В нём всё смешалось до неузнаваемости: добро и зло, мужчина и женщина, свобода и произвол. Трансгуманизм — следующая ступень кризиса: он предлагает преодолеть биологическую природу, закрепив «нового человека» постмодерна на уровне биологического вида через технологические улучшения — от генной инженерии и нейроимплантов до цифрового бессмертия.

Постмодерн и трансгуманизм — симптомы краха: когда универсалистские притязания исчерпаны, остаётся лишь деконструкция, смешение и хаос.

Человек оказался в одиночестве. Как блудный сын из притчи, он расточил духовное наследие — отверг вековые устои и увлёкся утопиями, искренне обещавшими «счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженным». Но обещания оказались обманом. «Волшебники», с такой уверенностью демонстрировавшие свои фокусы, шаманы, камлавшие на «священные писания» своих учений, вдруг исчезли — оставив человека наедине с темнотой собственного невежества. Теперь, несчастный, человек стоит в хлеву, среди свиней, голодный и униженный, — окружённый обломками идей, которые когда-то внушали уверенность, а теперь превратились в бесполезный хлам. Из этих обломков не сложить целостности. Где ты, волшебник, обещавший освобождение?

Человек остался один на один с расколдованным миром — лишённым смысла, иерархии и священного. Мир, утративший опоры, грозит обрушиться на голову обычайству сложностью собственного бытия. Человек стоит перед развернутой бездной — в страхе, непонимании, растерянности.

Догмы больше не кажутся истиной. **«Боги» гражданских религий умерли** — и оставили своих последователей перед разодранной пополам завесой. Тайны нет. За завесой — зияющая пустота. Ни пророка, ни наставления, ни ответа на вопрос: «Что делать?» К тому же — к кому обращать этот вопрос? Как стадо, оставленное пастырем, каждый теперь волен искать и волен находить. И это — мучительно. Это — вселенское одиночество.

Бедному человеку остается лишь одно: бежать от смысла. Закручиваться в бесконечную карусель потребления, развлечений, виртуальных миров — всего, что заглушает внутреннюю пустоту. Не думать. Не чувствовать. Не спрашивать. Просто быть — как функция, как пользователь, как генератор данных. Отказаться от самого человеческого в себе — потому что оно теперь отзывается мучительной болью: болью утраченной полноты, болью разорванной связи с миром и его

Творцом. А ведь религия, по сути, и есть эта связь — всех со всеми, и всего — с Источником.

Тяжкое бремя — быть лицом к лицу с мирозданием без веры и без опоры. Даже лучшие из лучших выносили пытку одиночеством с огромным трудом, многие из них и вовсе ломались.

От чего же, в сущности, «освободили» человечество борцы за его свободу? От связи. Разрубив узел традиций, иерархии, религии — того самого узла, что связывал человека с его уникальной культурой, — они попытались встать на место Творца. Но оказались слишком недолговечными, противоречивыми, немощными. И ушли — как уходит всё земное, претендующее на вечность.

И всё же — откуда взялась эта одержимость «проектами освобождения человечества»? Почему человек Нового времени вдруг решил, что может сам, своими руками, создать справедливость, «рай на Земле», став мерой всех вещей? Чтобы понять это, надо вернуться к самому рождению идеологии — к моменту, когда слово «идеология» впервые прозвучало как **боевой лозунг новой эпохи**.

Часть 1. Рождение идеологии и Французская революция

Первый системный «взлом» традиционного уклада начался с Реформации. Протестантизм, вырвав индивида из тела Церкви и низведя священство до роли «служащего», заложил основу новой антропологии: человек — сам себе судья в вопросах веры и совести. Это было не просто религиозное движение, а начало долгого процесса секуляризации сознания, в ходе которого вера в Бога постепенно заменялась верой в «разум человеческий».

Этот процесс набрал силу в эпоху Просвещения. Философы — от Вольтера до Руссо — уже не просто критиковали Церковь, а отвергали саму идею божественного порядка, объявляя разум единственным источником истины и закона. Французская революция стала практическим воплощением этой логики

В хаосе сверженного старого порядка возникла потребность в новой «науке управления». Именно тогда, в 1796 году, французский аристократ Антуан Луи Клод Дестют де Траси предложил термин «идéologie» («наука об идеях»). Его замысел был в духе предшественников: построить строгую, национальную систему, свободную от религии и метафизики, чтобы на ней основать мораль, право и политику нового «свободного» государства. Идеологию он определил как часть зоологии (в широком смысле — науки о живом, включая человека как биологическое и разумное существо), которая должна дать анализ идей и чувств,

им соответствующих, и тем самым стать основой всех других наук, в особенности морали и политики¹.

Де Траси как лидер школы «идеологов» системно искал бреши в традиционном укладе, объявляя религию, иерархию и даже философию «предрассудками». Старое — вера, нравственные нормы, уважение к преданию — решительно отвергалось как мешающее строительству нового общества.

Таким образом, идеология задумывалась как рациональный фундамент для перестройки всей общественной жизни на основе “рационального разума”. Хотя де Траси не писал прямо о «управлении поведением», его проект явно претендовал на замену устоев наукообразной системой, способной формировать «правильные» мнения и, следовательно, «правильное» общество. Эта замена традиционной метафизики «идеологией как наукой» оказалась парадоксальной: стремясь освободить человека от предрассудков, она сама превратилась в новую форму метафизики — секулярной, но не менее претенциозной. Культ Разума 1793 года, с его театральными «фестивалями» в стенах Нотр-Дам, стал не случайной эксцентрикой, но логическим следствием: разум, возведённый в абсолют, требовал ритуального оформления. Сакральное не исчезло — оно было рационализировано. Храм перестал быть местом встречи с Трансцендентным и стал трибуной для прославления человеческого разума как единственного источника истины и закона. Для этого требовалась не просто реформа институтов, но перековка самого языка, символов и коллективных представлений.

Именно здесь проявляется скрытая функция идеологии как инструмента социальной инженерии: она не только описывает реальность, но конструирует её через управление символическим пространством. Де Траси мечтал о «точной науке об идеях», но сама постановка задачи — вывести общественный порядок из логики идей — уже предполагала, что общество есть объект проектирования. Эта установка, унаследованная от Просвещения, легла в основу всех последующих утопических проектов. Разница лишь в том, что если мыслители эпохи Просвещения ещё верили в автономию разума, то их наследники открыто признали: «правильные» идеи требуют не только просвещения, но и институционального обеспечения — образования, пропаганды, а при необходимости — и принуждения.

Уже в первые годы XIX века эта претензия вызвала резкую критику. Наполеон Бонапарт, разочаровавшись в «идеологах», обвинил их прямо:

¹ Антуан Дестют де Траси. Основы идеологии. 1817. Электронный ресурс. URL: <https://lc.elima.ru/lib/?id=36>

«Именно с идеологией, этой туманной метафизикой, которая, с тонкостью отыскивая первые причины, желает на этих основах создать законодательство народов вместо того, чтобы приспособить законы к познанию человеческого сердца и урокам истории, следует связать все несчастья, которые испытала наша прекрасная Франция»².

Наполеон оказался прозорлив: идеология действительно стала орудием не только объяснения мира, но и управления им через убеждения.

Со временем она превратилась в особый вид когнитивного оружия, сила которого в способности задавать границы мышления: что считать «прогрессом», кого — «врагом», какое будущее — единствено верным. Такие системы оказались чрезвычайно эффективны.

Скажем несколько слов об Англии. Британская империя одной из первых начала системно применять идеологическое оружие для укрепления своего господства. Уже в XIX веке в британской политике и гуманитарной науке утвердились понятия «цивилизованных» и «варварских» народов, «прогрессивных» и «отсталых» обществ. Эти идеи подавались как объективные истины, но на деле служили оправданием колониального господства. Завоевание превращалось в «цивилизующую миссию», а эксплуатация — в «бремя белого человека».

Таким образом, идеология стала инструментом мягкого и глубокого контроля — формой манкуризации, при которой колонизированные народы постепенно усваивали мысль о собственной неполноценности, нуждаясь «в руководстве» просвещенного господина.

Как бы ни была убедительна идеологическая схема, она всегда исходит из одной предпосылки: общество — это материал, который можно и нужно переделать по заранее заданному плану. А это, как показывает история, — фатальная ошибка. Потому что общество — не механизм и не проект. Оно — живой организм, взращенный временем и обладающий памятью, культурой, языком, верой. А живое не терпит насилия.

Эту истину подтверждает и российская история. Русофobia — в её внешней и внутренней формах — один из самых действенных примеров идеологического воздействия. На протяжении двух столетий определённым слоям

² Кротов А. А. Наполеон и философская школа «идеологов» / А. А. Кротов // Философские науки. – 2019. Т. 62, № 9. С. 88–104. Электронный ресурс. URL: <https://www.phisci.info/jour/article/viewFile/2867/2688>

российского общества методично «вшивался» комплекс неполноценности: через просвещённый европеизм XIX века, через революционный интернационализм XX века (идеи «мировой революции» Троцкого), через постсоветский культ «Запада». Идеологическое оружие сделало то, что не удалось двум мировым войнам: оно подорвало внутреннее единство, разрушило доверие к собственной истории и способствовало краху сначала Российской империи, а затем и СССР — не столько извне, сколько изнутри.

При этом битва за страну — в том числе и за её духовную независимость — продолжается и сегодня. Например, когда мы, пытаясь утвердить подлинное достоинство России, называем её «страной-цивилизацией», мы, сами того не желая, вступаем на поле, заданное противником. Ведь само понятие «цивилизация» — не нейтральное научное описание, а идеологический продукт британской и французской политической мысли XIX века, изначально включавший иерархию: одни народы «цивилизованы», другие — нет. Нас втягивают в бесконечный спор: «Что такое цивилизация?», «Где её границы?», «Достойны ли мы этого звания?» — и оказываемся в ловушке, вынужденные доказывать свою полноценность, борясь с внутренним «червяком сомнения». А ведь именно в этом — суть идеологического порабощения: не в том, чтобы запретить говорить, а в том, чтобы заставить говорить на языке врага, даже когда ты защищаешься, посеяв смятение в верности выбранной позиции.

Истинная независимость начинается тогда, когда мы перестаём спрашивать: «А цивилизованы ли мы?» — и возвращаемся к вопросу, который ставили наши предки: «Что есть истина? Что есть добро? Что есть Родина?» Не в сравнении с другими — а в глубине собственного опыта, веры и памяти.

Часть 2. Общество как живой организм

Итак, мы исходим из одного постулата: общество — живой организм. Как и любой организм, оно обладает своей историей, памятью, культурой, языком, нравственными устоями. Оно растёт, болеет, выздоравливает, стареет, рождает новое поколение. Оно не может быть втиснуто в Прокрустово ложе идеологических схем — будь то утопический коммунизм, радикальный либерализм или этноцентричный национализм.

Когда идеологи берутся «перекраивать» общество, они действуют как хирурги, плохо знающие анатомии. В стремлении «улучшить» тело они отсекают то, что кажется им «лишним» — пережитком, предрассудком, атавизмом. Но то, что выглядит устаревшим, нередко оказывается жизненно важным органом: семья, вера, народная память, уважение к старшим, патриотизм, религия — ткани, из

которых соткано тело общества. Повредив их, можно получить мёртвый труп — внешне упорядоченный, но лишённый жизни, дыхания, способности передавать себя в будущее.

Из этого следует важный вывод: единство в многообразии — не просто красивая фраза, а необходимое условие выживания человечества. Как биологическое разнообразие — основа устойчивости экосистемы, так культурное, религиозное и политическое многообразие — основа гармоничного мира. Мы не вправе стирать различия между народами, навязывать им единый образ жизни, лишать их идентичности под видом «прогресса» или «универсальных ценностей». Напротив — каждая традиционная культурная среда заслуживает уважения и защиты, как уникальная форма бытия, сформировавшаяся на протяжении веков. Это и есть суть поликентричного мира — мира, где Китай, Индия, Россия, страны Африки и Латинской Америки имеют право развиваться по своим внутренним законам, не прося разрешения у тех, кто вчера определял, кто «цивилизован», а кто — нет.

В этом контексте у России действительно возникает новая историческая миссия — стать защитником этого многообразия. После двух столетий, когда мы то принимали чужие идеологии, то отвергали их в гневе борьбы за существование, Россия может занять позицию, основанную на солидарности с теми, кто, как и она, пережил опыт идеологического насилия. Сегодня многие народы — от Африки до Юго-Восточной Азии — пытаются вернуть себе историческую память, очистить сознание от колониальных идеологических установок, восстановить связь с собственными корнями. Россия, пройдя через аналогичный путь — от европеизма к революции, от разрыва с имперским прошлым к постсоветскому кризису, — может предложить так долго стоящий нашему народу опыт. Опыт боли, ошибок, жертвы миллионов русских людей. Опыт, в котором так остро нуждается изуродованный Запад, в гордыне своей не желающий просить помощи у “варварской страны”, “страны-бензоколонки”. Россия в очередной раз становится зеркалом для Запада.

Нам больно смотреть на Европу. Где та старая, многоголосая, ироничная Франция? Где Германия — родина Канта, Гёте и Бетховена, мировой философии, поэзии и музыки? Что происходит с Испанией — некогда оплотом католической цивилизации, страной, отстоявшей Европу у Лепанто, а теперь окровавленной в миграционном хаосе, где мэры городов молчат, глядя, как исчезают целые кварталы, а право на безопасность заменяется ритуалом «толерантного молчания»? А Прибалтика — малые народы с богатейшей историей, которые в стремлении доказать свою «европейскость» разменяли душу на сомнительные

ценности: вычеркнули из учебников своё советское и дореволюционное прошлое, объявили соседей «оккупантами», а собственную идентичность свели к антироссийской риторике. Они хотели стать «полноценными европейцами» — и стали периферией чужой идеологии, утратив связь с тем, что делало их уникальными: с языком, памятью, преемственностью — тем фундаментом, что до сих пор так бережно охраняется той самой, ныне ненавистной им, Россией. Даже Англия — некогда опора традиции и права — теперь изнемогает под грузом собственных метастазов: культурного релятивизма, демографического коллапса, утраты связующих смыслов. США, некогда символ новой надежды, проходят тяжёлый курс «химиотерапии»: общество разорвано внутренними противоречиями.

На наших глазах в разных странах по всему миру наблюдается иммунный ответ. Народы инстинктивно отторгают то, что убивает их идентичность. Они ищут корни, возвращаются к вере, защищают семью, язык, традиции. Это не «реакция» — это рефлекс самосохранения. Последний рубеж окровавленного, но сражающегося человечества. И в этом движении Россия может стать старшим братом, который прошёл через подобное и знает: спасение — в возвращении к тому, что делает человека человеком, а народ — народом. К ценностям. К памяти. К Отцу. К духовному восхождению.

Часть 3. Ценности против идеологии

Идеология принципиально противостоит традиционным духовно-нравственным ценностям. Традиционные ценности — это нравственные, духовные и культурные ориентиры, сложившиеся в народе на протяжении веков под влиянием религии, исторического опыта и коллективного труда. Ценности не изобретаются — они вынашиваются. Они обретают плоть в сложных родах социального сожительства.

В отличие от идеологии — искусственного суррогата, мыслительного конструкта, навязанного обществу, — ценности формируются медленно, исподволь, как корни дерева в плодородной почве. Но именно они становятся полноценной корневой системой, которая питает язык, нравы, искусство, право и сам облик народа. Именно поэтому все попытки быстрого создания «нового человека» неизменно терпели крах. Идеология может захватить умы на время, но не может заменить то, что выросло в сердце поколений. Любое подлинное преобразование требует не революционного взрыва, а времени и постоянства. Общество, хранящее свои ценности, становится удивительно богатым. Оно плодоносит: рождает гениев, героев, святых, культуру, научные открытия.

Ценности — не абстракция, а ткань повседневной жизни. В самом сердце этой ткани лежит совместный труд. Практикуясь делать ценностный выбор каждый день, человек учится главному балансу: брать и отдавать, получать и жертвовать. Развивается. Совершенствуется. Учиться любви — ибо лишь в способности отдавать больше, чем получаешь, рождается настоящее благо, разрушающее жесткое равновесие обмена и обогащающее общество. Это — благо родителей, беззаботно отдающих себя детям. Благо правителя, чья забота — служение своему народу. Благо врача, который исцеляет, не дожидаясь платы; учителя, вкладывающего душу в каждого ученика; священника, что становится для верующих не просто служителем культа, а духовным отцом.

Ценности практикуются и исповедуются. Их среда — сердце человека, делающего мучительный выбор. Выбор — быть человеком или отказаться от этого бремени. Именно так ценность становится единой мерой вещей и поступков народа.

Идеология растворяет личностный выбор в коллективной ответственности, превращая индивидуальную совесть — в голос партии или волю диктатора. Зло легко становится «исторической необходимостью», а равнодушие — «профессиональной позицией». В идеологической системе человек делегирует свою субъектность, спрятавшись под покрывалом удобных конструктов, обменяв свою нравственную свободу.

Именно поэтому мировые монотеистические религии — будь то христианство, ислам, иудаизм, буддизм — всегда с недоверием относились к идеологическим системам. Не из консерватизма и не из страха перед переменами, а потому, что видели в них гордыню разума, претендующего занять место Бога. Идеология не терпит неопределенности, поиска и мучительного выбора. Она требует абсолютного подчинения логике системы. А там, где исчезает совесть, неизбежно начинается насилие. Многие идеологи стали не только архитекторами тотальных систем, но ее властителями.

Ценности противостоят стремлению человека к утопии. Они не обещают идеального общества. Они не избавляют от страданий, но дают силы нести бремя быть человеком с достоинством. В этом — их сила. В помощи на тяжелом, тернистом пути духовного восхождения человека, а через него — общества. Ежедневного подвига труда как молитвы. Именно благодаря нему и держится наша хрупкая социальная материя.

Человек-созидатель — это, прежде всего, человек нравственного выбора. Тот, кто не прячется за идеологическими ширмами, а стоит лицом к лицу с реальностью — и выбирает добро, даже когда это невыгодно, непопулярно и

страшно. Ведь если нет подвига — нет и награды. А человек по своей природе — не потребитель, не функция, не винтик. Он — тот, кто может и должен совершать подвиги.

Заключение. Возвращение к Отцу

Нужна ли России идеология? Нет. Ей не нужны новые «национальные идеи» — очередные идеологические схемы, выстроенные в беспокойных головах «мыслителей». Россия и так дорого заплатила за эксперименты: за европеизм XIX века, за революцию XX, за либеральные реформы 1990-х. Каждый раз общество ломали под чужой проект — и каждый раз приходилось собирать страну по осколкам. Еще один подобный эксперимент может оказаться фатальным.

России нужен возврат к тем устоям, которые не позволяют человеку падать в бездну атомизации. Ценностям, проверенных веками в горестях и победах, обогащенным Православием и ставшие опорой государственности, культуры и самосознания народа. К традиционной семье как клеточке общества. К родному языку, к труду. Где каждый в помощь к каждому в общем деле — духовному восхождению.

Россия — не проект, не лаборатория для социальных инженеров. Россия — живой организм, тысячелетиями формировавший свою идентичность в диалоге с Востоком и Западом, сохраняя самобытность.

В наше время быть ответственным за Родину — значит заботиться о ней как о тяжело больной, но глубоко любимой матери, которая дала нам язык, веру, самосознание. Защищать. Не допускать, чтобы к её телу прикасались руки тех, кто видит в ней экспериментальный полигон на потеху своего эго. Приглядимся и увидим: за большинством идеологических проектов, за «методологиями» и «утопическими мороками» чаще всего скрывается стремление к власти. Идеология легко становится отмычкой, в ловких руках открывающей дверь к господству. Её создатели редко хотят служить народу — они хотят, чтобы народ служил их идее, а через неё — им самим. Паразиты, не способные существовать вне тела своего носителя — общества.

Забота о стране начинается не с желания перекроить действительность в попытке создать то, чего в природе нет, а с уважения к тому, что уже есть — к памяти, к труду, к простому человеку и искреннему желанию быть ему в помощь, бережно используя имеющийся материал для постепенного улучшения и обогащения.

От России сегодня зависит многое. Она не раз становилась опорой для тех, кого отвергали, гнали, уничтожали. Её исторический путь — это путь сохранения

многообразия, защиты слабых, утверждения мира на основе справедливости. Мир и процветание народов, некогда вставших под её защиту — от Балкан до Средней Азии, от Кавказа до Дальнего Востока — по-прежнему связаны с её внутренним здоровьем, с её способностью оставаться самобытной.

И потому борьба с деструктивными силами — долг каждого, кто любит свою страну и не желает вновь проходить через кровавые эксперименты. Мы не имеем права предавать тех, кто на нас надеется — тех, кто до сих пор верит, что Россия может быть опорой.

Идеология — это утопия. А утопия всегда заканчивается кровью. Это путь, на котором слепцы ведут слепых. И рано или поздно все падают в яму.

Настало время остановиться. Перестать строить «царство Божие на земле» и вспомнить: единственное Царство, которое не от мира сего, — внутри нас. Оно раскрывается через возвращение к традиционным духовно-нравственным ценностям, через любовь, которая учит отдавать больше, чем брать, через патриотизм, ежедневный труд, подвиг служения, верность в малом.

Так, шаг за шагом, мы вернёмся к Отцу. И Он — как в притче — выйдет нам навстречу. И наденет на палец кольцо — знак того, что мы снова стали сыновьями и Его наследниками.

Координатор Инициативы “Платформа Развития”

Андринов Александр Александрович